

Антонова Елена Леонидовна

БИНАРНАЯ ПРИРОДА ФОЛЬКЛОРА

В статье осуществляется постановка проблемы бинарной природы фольклора, непосредственно связанной с утилитарной сущностью народной культуры и по-разному проявлявшейся в неписьменном информационном пространстве деревенской среды. Внимание уделяется "плану выражения" и "плану содержания" фольклора как механизма накопления и трансляции социально значимой информации, конструировавшей потребную социуму социокультурную реальность.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/9-2/4.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 9 (23): в 2-х ч. Ч. II. С. 23-26. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/9-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

ORGANIZATION OF HORSED POLICE WITHIN NORTH-WEST OF RUSSIA UNDER CONDITIONS OF CIVIL WAR AND PETROGRAD DEFENCE AGAINST WHITE GUARD FORCES: 1919

Elena Sergeevna Anan'eva

Department of Russian Contemporary History

St. Petersburg State University

aes35@yandex.ru

The author discusses the organization and activity of horsed police within the North-West of Russia in 1919, reveals the problems, with which soviet power faced while creating horsed police in that region, shows the basic directions of its activity under the extreme conditions of the civil war, and substantiates that the derived material allows using the accumulated experience of horsed police more completely in the reconstruction of horsed law enforcement units in the modern world.

Key words and phrases: horsed police; organizational structure and activity; North-West of Russia; province; district.

УДК 008

Культурология

В статье осуществляется постановка проблемы бинарной природы фольклора, непосредственно связанной с утилитарной сущностью народной культуры и по-разному проявлявшейся в неписьменном информационном пространстве деревенской среды. Внимание уделяется «плану выражения» и «плану содержания» фольклора как механизма накопления и трансляции социально значимой информации, конструирующей необходимую социуму социокультурную реальность.

Ключевые слова и фразы: бинарная природа фольклора; неписьменное информационное пространство деревенской среды; утилитарная сущность народной культуры; «план выражения» и «план содержания» фольклора; конструирование социокультурной реальности.

Елена Леонидовна Антонова, к. филос. н.

Кафедра теории и истории культуры

Белгородский государственный институт искусств и культуры

E-pi-fan@yandex.ru

БИНАРНАЯ ПРИРОДА ФОЛЬКЛОРА[©]

В конце XX столетия зарождается новая тенденция в изучении фольклора, связанная с переходом от описательности к теоретическому рассмотрению его как социокультурного феномена. Только при этом условии становится возможным культурологическое осмысление *сущности* и *природы* фольклора. Зарождение этой тенденции связано с именами К. В. Чистова, Б. Н. Путилова и В. Е. Гусева. Именно их стараниями происходит не просто расширение предметного поля фольклористики: с появлением понятий «вербальный фольклор», «вербальная культура народа» и «народная художественная культура» начинается культурологическое измерение фольклора. И это несмотря на то, что при его изучении специалисты продолжают сталкиваться с «этнографией», с которой напрямую связано понятие «фольклор». Введение его в научный оборот потребовало качественно иного подхода к изучению «народной поэтики», лежащей в «плане выражения» изучаемого феномена: само истолкование фольклора как «народного знания», «народной мудрости» давало «языковому» материалу *другое измерение*.

Поскольку, как носитель информации о традиционном укладе жизни и деятельности, фольклор задавал параметры социального поведения и общения, то при его изучении мы сталкиваемся не только с «художественным» текстом («план выражения»), но и с «культурным порядком» («план содержания»), называемым «культурной традицией», которая, с одной стороны, оперирует готовыми – формальными – схемами жизненных ситуаций, напрямую заимствованными из мифологии, с другой – включает в себя конкретные модели поведения и общения, «обращенные к сложным комплексам народных представлений, которые существуют латентно и не всегда выступают на уровне сознания, являясь достоянием подсознательного и бессознательного» [5, с. 9]. Этот факт позволяет рассматривать фольклор сквозь призму бинарности, «скрытой» в его «плане выражения» и «плане содержания».

Если признать, что по своей сути народная культура – это среда бытования и сохранения смысловых ценностей, интуитивного и практического знания как компонентов «культурной традиции», то в «плане выражения» фольклор осуществляет в народной неписьменной среде функцию «языкового» и «программного» обеспечения¹, а в «плане содержания» он выступает «методологическим» основанием рациональной

[©] Антонова Е. Л., 2012

¹ Фольклор дает нам представление об *обычном* (от слова «обычай») *праве* (о том, что можно, что категорически запрещено и что наказуемо), в корне отличавшемся от формального права – «закона». Поэтому, если в народной культуре мы имеем дело с правилами кодифицированного поведения и общения как *традиционной «программой-нормой»*, транслируемой фольклорными «текстами», то в городской культуре – с *нормой правовой*.

«репрезентации социальной реальности» [3, с. 71], в полной мере удовлетворяющей потребности социума в постоянном источнике «социального познания»¹, (*расширявшего* – Е. А.) возможности руководствоваться классическими схемами [Там же] поведения и общения. Действуя как механизм **накопления** социальной информации как социальной памяти и ее **трансляции**, фольклор, по сути, выступал в качестве «информационного ресурса», в чем также находит выражение **бинарная природа фольклора, неразрывно связанная с утилитарной сущностью народной культуры**.

Представляется, что бинарная природа фольклора изначально была обусловлена самим его генезисом. Поскольку фольклорные тексты первоначально представляли особую группу в мифологии, включавшую в себя либо прямые мифологические реминисценции, либо разного рода «переработки» отдельных ее частей, то само **появление фольклора можно представить как процесс постепенного отчуждения от мифологической системы части содержательного фонда путем его многократной пересемантизации на уровне обыденного сознания**, нуждавшегося в **эффективном «инструменте» анализа и оценки**, что в исторической перспективе обусловило **неизбежность перехода** культуры от **мифологической к фольклорной фазе**. Таким «инструментом», в силу его бинарности, и становится фольклор.

Такая связь фольклора с «мифологическим наследием», с одной стороны, накладывает отпечаток на **фольклорное «творчество»**, по-своему проявляясь в разных жанрах и на разных этапах его бытования, с другой – способствует формированию синтетической – фольклорной – формы рефлексии, лежащей в основании «неписьменной» культуры как типа. В контексте такого понимания проблемы представляется целесообразным прояснение содержания вводимых в оборот понятий «письменная» и «неписьменная» культура. Под этими понятиями понимаются не функциональные умение-неумение писать и читать, а разные 1) **формы рефлексии** (абстрактная, «**аналитическая**» и «**синтетическая**», **фольклорная**) и 2) **передачи информации** (максимальными средствами минимума информации и минимальными средствами максимума информации), доминировавшие в рамках таких типов культуры, как **урбанистическая** (городская) и «деревенская» (**крестьянская**), условно обозначаемых как «**письменная**» и «**неписьменная**»². На наш взгляд, именно с дифференциации форм рефлексии и должно начинаться **культурологическое** изучение фольклора, предполагающего, в отличие от литературы, «**установление традиционных основ живущего в устах... текста**» [4, с. 196]. Тем более что **письменные** «тексты» – в силу их «**инокодвости**» – воспринимались в «неписьменном» пространстве народной среды как **этимологически неискожные** – «инокультурные», «чужеродные».

Представляется, что по этой же причине европейская фольклористика, возникшая в урбанизированной – «письменной» – среде, относит к фольклору только те фольклорные «тексты», где отражаются реалии «сельской» жизни. Так происходит разделение фольклора на «**собственно фольклор**» и «**древнюю литературу**», которая в «**плане содержания**» представляет собой «военные хроники» (примером последних является европейский средневековый героический эпос). Такое «разделение» фольклора совпадает с логической схемой исторически сложившейся у «городской» западноевропейской элиты «культурной традиции» разделения **двух социально-культурных сред** – «**сельской**» и **городской**. Не удивительно, что в «**плане содержания**» средневековый **героический эпос**, в отличие от «деревенского» фольклора, выражал реалии «естественной» жизни «**городской**» европейской **аристократии**³, игнорировавшей любую форму **практической деятельности**, кроме **военной** (позднее – в приложение к ней – религиозной, политической, философской, научной, литературной). Разделению способствовала и простая логика: если стихотворно-поэтическая форма – это признак литературно-художественного (**авторского**) «текста», то средневековый героический эпос, несмотря на его устность, должен относиться к «древней литературе», а его трансляторы – к разряду «древних поэтов»⁴. Хотя, по всем **специфическим признакам**, героический эпос – это не «древняя литература», а **фольклорное явление**, характерное для переходного периода от **фольклорной фазы культуры к «письменной»**. Вот что Поль Валери пишет об этом «фольклорном явлении», отнесенном европейскими фольклористами к «древней литературе»: «Древняя литература, не прибегавшая к помощи **записи**, хранившаяся и передававшаяся человеком, его **системой обмена между речью, слухом и памятью**, – это литература, иногда наделенная рифмой, безусловно – ритмом, а также всеми свойствами, какие только может предложить устная речь, чтобы создать о себе воспоминание, заставить

¹ В «письменной» среде городской культуры эту функцию выполняет «литература» как письменный «текст».

² Интересно, что в «неписьменном» и «письменном» типах культуры формирование личности проходило в границах, выработанных в их лоне фольклорно-синтетической и «абстрактно-линейной» форм рефлексии. В русской культуре (синтетическая форма рефлексии) **личность вызревала медленно** – для духовного роста ей необходимо было время (пример Ильи Муромца, зафиксированный в фольклоре, пример мудрецов-старцев и т.д.). В «письменной» – урбанистической – культуре («линейная» форма рефлексии) формирование **индивида** проходит в «**ускоренном режиме**» (сказывается необходимость быстро встать «на ноги» и самостоятельно себя обеспечивать), что объясняет недооценку «духовного аспекта воспитания», необходимого для **становления личности**. Как результат: в западноевропейской культуре приветствуется прагматизм, а решения, основанные на нравственных чувствах (долга, жалости, сострадания и т.д.), являются синонимом глупости и слабости, в то время как в русской культуре, где нравственность как духовность всемерно поощрялась, – откровенный прагматизм последовательно искоренялся.

³ См.: «Песнь о Нибелунгах» (Германия), «Песнь о Роланде» (Франция), «Песнь о моем Сиде» (Испания), «Старшая Эдда» (Скандинавия), «Беовульф» (Англия). Собственно, по фольклорной схеме героического эпоса и выстраиваются средневековый куртуазный и рыцарский роман «Тристан и Изольда» Готфрида Страсбургского, цикл романов о короле Артуре и рыцарях круглого стола Кретьена де Труа и т.д.

⁴ Несколько иное понимание героического эпоса ложится в основание концепции В. Ф. Миллера, основателя исторической школы русской фольклористики, заимствованной скандинавскими исследователями фольклора. Согласно ей, творцами фольклора признавались **аристократические** (образованные) слои общества, а народ выступал исключительно в роли транслятора.

удержать себя в памяти, отпечататься в сознании» [1, с. 259]. По его мнению, во «времена, не знавшие письменности, все, что представлялось ценным, облекалось *в стихотворную форму*. Иными словами, в такую форму, где присутствуют ритм, рифма, количество, симметрия фигур, антитеза – все это суть неотъемлемые свойства (*литературной* – Е. А.) формы», которые «есть совокупность эффективных средств, физические воздействия которых, усиливая друг друга, оказывают сопротивление множеству факторов распада, угрожающим творениям мысли» [Там же, с. 259-260]. Таким «творением мысли» – мысли коллективной (сколько «трансляторов», столько инвариантов «текста» «древнелитературных» произведений) – и были образцы европейского героического эпоса как «*пробраза*» литературы, выработанные в границах *устной традиции*¹ в формально письменной среде европейского средневекового города.

Здесь следует особо подчеркнуть, что в русской культуре, где до петровских реформ культура быта была общей для «деревни» и города, фольклор и литература не просто *дополняют друг друга*: литература вырастает из фольклора и развивается на фольклорной почве так же, как в свое время фольклор вырастал и развивался на почве мифологической. Этот культурно-исторический факт помогает понять, почему фольклор, по аналогии с литературой, рассматривается городской культурой исключительно с точки зрения *творчества* – как *поэтика* и *искусство*. При этом совершенно не учитывается, что поскольку крестьянство существует в «неписьменном» пространстве деревенской среды как *мире нефиксированной реальности*, где реалии жизни «не столько промышляются, сколько проживаются» [7, с. 54], то фольклор не просто неизбежно *тождествен быту*: как «*утилитарно-художественная*» форма деятельности, он направлен на отражение действительности в потребном социуму типологическом ключе (та же утилитарность, с которой непосредственно связана «бинарность» фольклора, характеризует и народную религиозность², в которой ведущую роль играли фольклорные обрядовые практики). И если «устное творчество» в народной культуре не существует как *институционализованная форма деятельности*, то и фольклор не может быть «искусством» в ее письменной среде.

Казалось бы, абстрагируясь от вышесказанного, можно смело провести прямую линию от мифа к обряду, от него – к фольклору, а далее от фольклора – к литературе. Это часто именно так и есть, но никакой строгой закономерности здесь не существует – четкая последовательность далеко не всегда очевидна, если имеешь дело с «переходными» формами фольклора, «скрывающими» его бинарную природу. Если по типу создания фольклор тяготеет к мифологии, а как художественная система он примыкает к литературе, то его *исконно бинарная природа* делает фольклор «*культурным посредником*» между мифологией и художественной литературой как разными (неписьменная и письменная) «культурными» формами трансляции «моделей» поведения и общения как норм нравственности, интуитивного (верования) и практического знания как социально значимой информации, конструировавшей потребную социуму социокультурную реальность.

Таким образом, можно констатировать, что, действуя как механизм накопления социальной информации и ее трансляции, фольклор, по сути, выступал в качестве «копилки» и «информационного ресурса» в письменном информационном пространстве деревенской среды. Скрытая в «плане выражения» и «плане содержания» и тесно связанная с утилитарной сущностью народной культуры, бинарность фольклора по-разному проявляет себя в письменном информационном пространстве деревенской среды: будучи постоянным источником «социального познания», фольклор выступал: 1) эффективным «инструментом» анализа и оценки; 2) осуществлял функцию не только «языкового» и «программного» обеспечения, но и функцию просвещения; 3) формировал «синтетическую», фольклорную форму рефлексии и форму передачи минимальными средствами максимума информации, конструируя, таким образом, потребную социуму социокультурную реальность.

Список литературы

1. Валери П. Рождение Венеры / пер. с фр. СПб.: Азбука, 2003. 368 с.
2. Гусев В. Е. Русская народная художественная культура: теоретические очерки. СПб., 1993. 67 с.
3. Демина Н. А., Павлов А. П. Рациональность как основа репрезентации социальной реальности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14). Ч. II. С. 71-76.
4. Емельянов Л. И. Методологические вопросы фольклористики. М., 1998. 344 с.
5. Мальцев Г. И. Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики. Л.: Наука, 1989. 294 с.
6. Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. *In memoriam*. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. 464 с.
7. Рождественская С. Б. Русская народная художественная традиция в современном обществе: архит. декор. и худож. промыслы. М.: Наука, 1981. 207 с.
8. Чистов К. В. Народные традиции и фольклор: очерки теории. Л.: Наука, 1986. 304 с.

¹ Здесь следует учитывать, что «открытие» народной культуры как культуры крестьянства в Европе на «закате» эпохи Просвещения, болезненно переживавшей смену идентичности, стало не просто «романтическим движением» по изучению народных традиций, но и своего рода просвещением, с которого начинается формирование национального самосознания западноевропейских наций. Интенсивный сбор мифологического и фольклорного материала братьями Гримм, Ш. Перро и др. «сказочниками» не ограничивается их личным интересом к народным традициям, представлениям и верованиям, а становится началом формирования специфического научного направления по изучению «народной мудрости» и «народного знания», известного сегодня как фольклористика. До этого в урбанистической Европе под народной культурой понималась культура городских низов, блестяще описанная М. М. Бахтиным и А. Я. Гуревичем. Этот факт дает основание полагать, что героический эпос ближе к городскому фольклору, чем к литературе.

² См. работы М. В. Алпатовой, Б. А. Рыбакова, Н. И. Толстого и др.

BINARY NATURE OF FOLKLORE

Elena Leonidovna Antonova, Ph. D. in Philosophy
Department of Culture Theory and History
Belgorod State Institute of Culture and Arts
E-pi-fan@yandex.ru

The author discusses the problem of folklore binary nature, which is directly connected with the utilitarian essence of national culture, and was differently manifested in the non-written information space of rural environment, and pays attention to the “plane of expression” and “plane of content” of folklore as the mechanism for the accumulation and transmission of socially significant information constructing social-cultural reality that is necessary to socium.

Key words and phrases: binary nature of folklore; non-written information space of rural environment; utilitarian essence of national culture; plane of expression; plane of content; social-cultural reality construction.

УДК 34

Юридические науки

В статье рассмотрена система государственных преступлений, закрепленная Уголовным уложением 1903 г., представлены классификации преступлений против государства, разработанные российскими правоведомы рубежа XIX–XX вв. Автор приходит к выводу, что законодатель разработал систему преступлений против государства, отвечающую политическому развитию России начала XX столетия.

Ключевые слова и фразы: уложение; государственные преступления; измена; бунт; иностранное государство; император; ответственность.

Галина Витальевна Арсеньева, к.ю.н., доцент
Кафедра теории и истории государства и права
Астраханский государственный университет
galina.arsenjeva@yandex.ru

**СИСТЕМА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
ПО УГОЛОВНОМУ УЛОЖЕНИЮ 1903 Г. ©**

Законодательство, направленное на борьбу с преступлениями против государства в России, прошло длительный путь развития. Много внимания системе государственных преступлений, ответственности за совершение преступлений против государства российский законодатель уделил в середине XIX – начале XX в. Государственные преступления занимали в правовых кодификациях особое положение как по важности этих преступлений, так и по степени наказуемости не только совершенного преступления, но и умысла, и приготовления, и покушения [4, с. 105]. Отечественная правовая наука рассматриваемого периода представила достаточно исчерпывающие классификации государственных преступлений. Так, Л. С. Белогриц-Котляревский считал, что все преступления, так или иначе, касаются государства, но далеко не все в одинаковой степени. Выделяются преступления, по мнению автора, непосредственно направленные на государство, как самостоятельное целое, которые носят название государственных преступлений в техническом смысле слова. При этом государство может подлежать нападению с двоякой стороны. Во-первых, как организованное политическое целое. Во-вторых, как юридическая личность. Таким образом, Л. С. Белогриц-Котляревский подразделял государственные преступления на два вида:

1) политические преступления, посягающие на государство как на политический механизм (преступления против Величества, при этом объектом могут быть жизнь, здоровье, честь монарха и членов его дома; бунт и измена; преступления против международного права);

2) преступления против порядка управления, в которых выделяется относительно самостоятельная группа – преступления по службе [1, с. 240–241].

Подобной классификации государственных преступлений придерживался и И. Малиновский, однако он четко разграничивал преступления по службе и преступления против порядка управления [5, с. 318]. М. Ф. Владимирский-Буданов к перечисленным видам государственных преступлений добавлял преступления против судебной власти [2, с. 344–347].

Уголовное уложение 1903 г. [7] в отличие от уголовных кодификаций середины - второй половины XIX в. представило развитую систему государственных преступлений, конкретизировало наказания за них. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [8], а также его редакция 1885 г. закрепили два вида преступлений против государства:

1) преступления против Священной Особы Государя Императора и членов Императорского дома (глава I раздела III);

2) бунт против власти верховной и государственная измена (глава II раздела III).